

- дарственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 27. – № 18. – С. 225–229.
11. Паранько, С., Сидорова, О. Модели медиапотребления. Что люди читают, почему, когда и как. Дневниковое исследование [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mediator.mail.ru/doc/Mediator_2017_How_People_Read.pdf. – Дата доступа: 15.02.2017.
 12. Потребин, А.В. Влияние конвергенции на бизнес-процессы в СМИ / А.В. Потребин // Журналістыка-2016: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 18-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысв. 95-годдзю БДУ (10–11 лістапада 2016 г., Мінск) / БДУ, Інстытут журналістыкі; рэдкал. : С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 18. – Мінск : БДУ, 2016. – С. 28–31.
 13. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2016 году : подготовлена к заседанию коллегии Министерства информации Республики Беларусь по итогам работы в 2016 году / Министерство информации Республики Беларусь, 2016. – Минск, 2016. – 136 с.
 14. Степанов, В.А. Сообщества социальной сети «ВКонтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития / В.А. Степанов // Веснік БДУ, Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 2. – С. 86–90.
 15. Тулупов, В.В. СМИ в эпоху постгугенберговской реальности / В.В. Тулупов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. № 5–1. – С. 151–153.

**Ольга Десюкевич, Анна Курак,
Алевтина Корчик, Надежда Милькевич**
Белорусский государственный университет

ПРАГМАТИКА БЕЛОРУССКОГО ДИСКУРСА О СТАРОСТИ

Наблюдение за тематикой белорусских медиа позволяет отмечать определенные изменения в концептуализации человека вообще и пожилого человека в частности. С целью эксплицировать образ пожилого человека и уточнить оценочную составляющую концепта *старость* мы проанализируем тексты носителей белорусских диалектов, а также журналистские тексты разных жанров, попытавшись описать динамику в осмыслении объекта разными поколениями и, кроме того, определить отношения между содержательными структурами текста (индивидуальными концептами или групповыми стереотипами) и его жанровым оформлением.

Отметим, что в разных поколениях белорусского общества сосуществуют три типа культуры, которые были выделены Маргарет Мид: постфигуративная, кофигуративная и префигуративная [см. Степанов, с. 820–822]. **Первая свойственна в большей степени, хотя и не исключительно представителям старшего поколения, – в рамках культуры**

данного типа изменения протекают очень медленно, пожилые люди уверены, что следующие за ними дети и внуки повторят их судьбу, и представляют свою жизнь как инвариант человеческой судьбы. Кофигуративная предполагает в качестве прототипного варианта судьбы не жизнь родителей, а жизнь своих современников, поведение человека моделируется требованием жить «не хуже соседа», следуя идеалам, не свойственным родителям; в рамках культуры такого типа люди старшего поколения не имеют авторитета, их система ценностей кажется устаревшей. Префигуративная возникает в результате глобального разрыва между поколениями, в ней старшие поколения учатся у молодежи, что требует от всех выработки новых, ранее неизвестных моделей поведения – и старших по отношению к младшим и младших по отношению к старшим. Рассмотрим последовательно способы концептуализации пожилого возраста представителями разных поколений как проявления той или иной культуры.

Традиционные представления о старости носителей белорусских диалектов

Прежде всего, процесс старения осмысливается пожилыми людьми как действие неодолимой силы, безвозвратно изменяющей каждого человека: *А старасць нікого не пакарасіла. Ні-ко-го. Эта такая сіла німерана* [Хрэстаматыя, с. 134¹]. Изменения характеризуют ментальные процессы человека: *І не разьбіраюся, мне безразлічна як. Абы гаварыць, абы проўду сказаць – не ляць. А кааб па-беларуску... Я б ужо не разабралася. І ўнучка во малая, дык кажа: «Бабушка, як ты не панімаеш? Я ж тры разы прачытала і ўжо помню». – «А ў мяне, – кажу, – унучка, ужо не запамінаецца»* [Там же, с. 36]. Иногда респонденты отмечают, что ментальные составляющие навыка, напротив, сохраняются (знают как), но силы изменяют: *Цяпер я рабіць немагу, мне ўжо восемсят пяты гадок. Ужо мыслямы бачу, а рукі не грабуць. Я і каровы не падаю* [Там же, с. 35]. Потеря сил мыслится как результат тяжелой работы: *Цяпер німа сілы. Чалавек... Зьбіваецся з сілы* [Там же, с. 87]; *Бачыце, якія во рукі. Павыроблівалась* [Там же, с. 196]. Изменения в выделенных фрагментах часто выражаются посредством семантического маркера **ужо не** в сочетании с глаголами созидательной деятельности или их производными: *Ужо не дзяржу каровы; мне ўжо дзевяноста два гады, я ўжо не лекар* [Там же, с.97], – это свидетельствует о кон-

¹ Здесь и далее приводится простая фонетическая транскрипция текстов.

цептуализации жизни человека как естественно протекающей в труде. Это отождествление работы и жизни настолько сильно в сознании респондентов, что потеря способности работать, уход на пенсию означает для них конец жизни: *І пашоў на пенсію у восем'ят шастом, і ўсё на том закончылася* [Там же, с. 78]. И так, жизнь мыслится как проходящая в труде, старость же человек, ограниченный в способности трудиться, доживает: *А цяперака хоць во дзе дзявайся. Старасьць і не дажывеш* [Там же, с. 150]. Оценивая свой жизненный путь, респонденты часто обнаруживают, что вне работы и семьи жизни, собственно, и нет: *Жыць німа калі; У жызьні німа чаго успамінаць. Кап іна і не варочалась* [Там же, с. 87]. Проявлениями жизни для них остаются движение и общение, а главной поведенческой доминантой – сохранение самостоятельности как можно дольше: *Трэба цёгацца. Як ногі тупаюць трохі, дык і тупай* [Там же, с. 224]; *Яна і сама, хоць з двума кіямі ходзіць, ніякае бяседы не прапусьціць, як завуць, і к сабе зазывае* [Там же, с. 171]. Идеальной остается независимая жизнь – *да пасьледняга на сваіх нагах* [Там же, с. 174] и в своем доме – *Ні хочу са сваіх сьцежачак іці. Век пражыла* [Там же, с. 150]; *Пастарэеш – будзеш знаць, што такое родзіна, куды пацягне чалавека* [Там же, с. 134].

Изменения социальной среды, которую отмечают респонденты, касаются прежде всего утраты авторитета старого человека, прежде неизбежного, обесценивания приобретенного им опыта, а также сокращения общения, причем не только молодых с пожилыми, но общей отчужденности, возрастающей в следующих поколениях: *Цяпер у нас дваюранны яёсьць, но неяк яны не сустракаюцца, адзін аднаго не клічуць. Чаму гэта? Мы ж, як усе радня, усе памагалі друк другу, а цяпер не. Кап эта вот пазваць ды з дваюраннымі ды пагаварыць. Не... Неяк яны чужыя сталі. Чаму так? Ні знаю* [Там же, с. 61]; *Тады людзі больш радніліся і чужога маглі пакарміць і папаіць, а цяпер і свае адзін аднаму не рады. Людзі дабрэйшыя булі* [Там же, с. 171]. На этом фоне заново осмысливается социальная норма, предписывающая ухаживать за немощными стариками. В ситуациях, когда она не соблюдается представителями младших поколений, мир концептуализируется респондентами как несправедливый: *Людзі кажучь, каб ішла Воля ў прыстарэлы дом, то ні хочэ. Кажэ: напрабую шчэ дома перазімаваць. От така бы-як яна і пражыла. Работаю душылася, сынам ды ўнуком грошы аддавала, а сёні яе ніхто глядзець ні хочэ. Хай бы ж бог залічыў, што яна сваю сьвякруху дагледзяла, то і яе нявестка далжна дагледзець. Дзе там* [Там же, с. 172].

В области осмысления онтологической оппозиции *жизнь – смерть* положительно отмеченной оказывается смерть (которая в цитируемом ниже фрагменте не называется прямо, респондент предпочитает лексему *вечность*), она мыслится как желанное избавление, возвращение домой: *Плоха я жызьню пражылася, а цепях чым бардзе. ...Мне ўжэ восемсят шэсць лет во бюджет у іюлі. Вот ланіну дзе пасадзілі ды граду якую і ўсё... А цяпер я саўсім занемагла. Гэткіе годы. А сын той, нібыта мой сын, ён жа п'яніца пярвушчы. Палучаю дзевяноста тысяч пеньсіі і кармлю дзве душы. Як можна пражыць? А жыву ж. Што падзелаеш... Нада жыць. Але ўжо, дзякуй богу, скорана вечнасць. Кап дадому... Ужэ гэты сьвет згадзіў, ну на яго глядзець. Усё дорага, усё страшна* [Там же, с. 249].

Стереотипный образ пожилых людей в журналистском тексте

Мы рассмотрели три текста из газеты «Лунінецкія навіны», созданных в жанре юбилейного портрета, героями которых выступают пожилые люди. Их формальными характеристиками являются нарратив от третьего лица, линейная композиция, позволяющая последовательно изложить биографию героя, а содержательной константой остается образ человека трудящегося. Деятельность персонажа в рамках данного жанра представлена как хобби, призванное создать впечатление продолжающегося труда, не обязательно результативного – он выполняет скорее терапевтические функции: *дапамога ў пераадоленні болю*; автор с его помощью поддерживает стереотипный образ белоруса: *вельмі радуе, што такі старанны наш беларускі народ; яны проста не ўяўляюць, як гэта можна сядзець без справы*. Поступательный характер «юбилейных» текстов отмечается веками – сорокалетием/пятидесятилетием совместной жизни, некоей воображаемой временной границей, по достижении которой следует осмыслить итоги своей жизни. План прошлого в таких текстах (представленный повествованием журналиста об активной жизни героя, его тяжелом детстве, приобретении профессии, заключении брака и многолетнем труде) противостоит плану настоящего (сфера активности сужается до хобби и внуков, которые сливаются в единый концептуальный комплекс *тварыць дзеля ўнукаў, жыць дзеля іх*), план будущего чаще отсутствует, только в юбилейном портрете художника возникает с характерной пропозициональной установкой: *Хочацца верыць, што новыя пакаленні некалі зацікавіцца і не пакінуць без увагі прыгожыя работы Мікалая Кіслова, каб самабытная спадчына не засталася незаўважанай* («Талант застаецца ў сэры», 06.08.2014).

Создающийся в таком тексте портрет персонажа лишен индивидуальных черт, поскольку профилируется образ человека на историческом фоне, намеренно неартикулированном. Характернейшей чертой такого рода журналистики является недосказанность, использование намека: *Мікалай меў свой погляд на палітыку, які не заўсёды супадаў з ідэалогіяй савецкага часу. А варта было выказаць «непатрэбныя» меркаванні ў кругу адказных асоб, і самабытны мастак надоўга заставаўся пад падазрэннем. Адносіны станавіліся **напружанымі, дзверы ў дзяржаўныя кабінеты не адчыняліся**. Адбівалася ўсё гэта на выдатных бяскрыўдных малюнках, якіх пазбавілі будучыні. Мікалай пакінуў школу, шукаў сябе ў іншых сферах. Але талент ніколі асабліва не падтрымліваўся на высокім узроўні* (Там же). Благодаря неагентивным грамматическим конструкциям ситуация представляется безличностной, оказывается неактуализированной идея ответственности, причины жизненных неудач героя описываются как результат действия стихийной силы. Отмеченная черта является одним из проявлений советского новояза, не вполне преодоленного отечественной журналистикой, так же как штампы (*Пра больш лёгкую долю тады не марыў ніхто. Абы мірнае неба над галавой*) и мировоззренческая метафора **жизнь – борьба**, которая в белорусском дискурсе выглядит скорее как **жизнь – преодоление** (только в одном тексте встречаются фрагменты: *перасільваць цяжкасці ваенных дарог, якія выпалі на яго долю; узваліць на сябе турботы вясковага жыцця; зведаць на сабе цяжкасці працы на ферме; перамагаць усё праблемы і нягоды; цяжкасці адраджэння спактаванай краіны паспеў удастаць зведаць на сабе; без цяжкасцей не абыходзіцца ніякая справа; няпростая жыццёвая дарога; прыкладваць вялікія намаганні, каб выжыць*) (Кветкі дапамагаюць жыць. 12.08.2014).

Рассматривая журналистские тексты в жанре юбилейного портрета в белорусской военной газете «Во славу Родины», отмечаем, что концептуализация старости в них во многом соответствует традиционной, выявленной нами в анализе диалектного материала, в них сохраняется доминанта на созидательную деятельность, ассоциация старости с болезнями (*В настоящее время Александра Петровна недужит – годы, с этим ничего не поделаешь // «Мы всегда старались беречь друг друга!»*, 07.05.2016; *Несмотря на преклонный возраст, подполковник в отставке Виктор Бузаев помнит многое до мелочей... // Там же*). Тексты отличаются жесткостью жанровых форм и, соответственно, предсказуемым набором тем и транслируемых жизненных максим, определяющих как отношение пожилых людей к миру, так и отношение более молодых по-

колений к пожилым, среди которых: авторитет более опытных, в том числе старших по званию, преданность армии (*Авторитет умудренного жизненным опытом отца Владимир и не подумал ставить под сомнение. Тот во время Великой Отечественной войны партизанил под Витебском, с 1944 года воевал на фронте. Среди наград солдата – медаль «За боевые заслуги». Только здоровье не позволило Филиппу Яковлевичу остаться в армии на сверхсрочной службе // «Служили два товарища... и служат», 16.11.2016*); верность служебному долгу и Родине (... *он всегда оставался настоящим офицером, честно выполнявшим свой долг перед Родиной // «Пройти свой путь...», 24.11.2015*); доверие государству и ответственное отношение зависимости, подчинения (*Хочу выразить огромную благодарность ребятам, организаторам сегодняшнего мероприятия! Приятно осознавать, что государство о нас не забывает // «Поколения – вместе», 17.02.2015*).

Образ пожилых людей

в сознании носителей кофигуративной культуры

Более «откровенная» журналистика, стремящаяся осознать характер изменений социальной структуры белорусского общества, системы ценностей и определить на этом фоне роль и место людей старшего поколения, часть своей концептуализации выражает пресуппозитивно. Так, например, в заголовке «Почему именно сейчас на стариков так ополчились?» (*Заўтра тваёй краіны. 29.09.2016*) знание о недоброжелательном отношении к пожилым вводится как данное, предполагаемое в качестве разделяемого всеми, фокусируется внимание и предлагаются для переосмысления лишь отдельные аспекты ситуации – время и причина. Автор утверждает, что в условиях растущей безработицы повышение пенсионного возраста приведет к снижению занятости среди молодежи. Еще одним негативным последствием старения общества автор другой статьи (*Заўтра тваёй краіны. 03.04.2009*) считает стремление устроить жизнь пожилых, обеспечив уход и безопасность, таким образом, который приведет к их изоляции от активной части общества и одновременно сделает их зависимыми от тех, кто осуществляет этот уход и обеспечивает безопасность. В качестве альтернативы рассматриваются современные европейские формы устройства жизни пожилых людей, направленные на обеспечение таких условий, при которых пожилой человек как можно дольше может оставаться в своем доме и обслуживать себя без посторонней помощи, что, заметим, соответствует прототипу, сформированному в белорусском традиционном сознании.

Особое место в осмыслении данной темы в журналистском дискурсе принадлежит статье Юлии Чернявской с цитатным заголовком «Старикам здесь не место» (<https://news.tut.by/society/507234.html>), которая характеризуется яркой авторской интенцией и богатством топиков, среди которых: унижающее достоинство обращение к незнакомой женщине «бабушка»; модели поведения пожилых людей, приемлемые для молодых (*Чего мы хотим от стариков? Ну да, чтобы они были «как зайки», – тихие, бесхлопотные*), и оставленное им скромное пространство активности (*Ну да, чем больше общество сужает возможности пенсионера – тем меньше ему надо: несколько «соток» на даче становятся его миром. И все довольны: старый человек – тем, что приносит пользу семье, семья – тем, что обеспечила ему занятие на летний сезон*), в отличие от многообразия видов деятельности, предлагаемого старикам на Западе (*Боюсь, пожилой белорус, который захочет сесть на студенческую скамью, останется непонятым*); неприятие молодыми выражения чувств пожилыми людьми, их интимной жизни. Автор посвящает основную часть статьи понятию эйджизм и его проявлениям, замечаемым ею в белорусском обществе (*Ведь слово «пожилой» негласно становится синонимом «не совсем полноценный»*), стереотипные признаки пожилого человека в этой системе ценностей ('старость' = 'болезнь', 'бедность', 'одиночество', 'депрессия', 'слабоумие', 'обуза для окружающих'), по мнению автора, в белорусской реальности могут быть дополнены: *стариками скучными, с плохими характерами, постоянно жалуются, смеют требовать к себе повышенного внимания, будто они и вправду полноценные люди, а не «бабушки с дедушками*». Самое существенное и вместе с тем свойственное в наибольшей степени, с точки зрения автора, для нашего общества то, что эйджизм не воспринимается как дискриминация ни субъектами, ни объектами, т.е. эти перечисленные признаки, составляющие стереотип, воспринимаются как в целом справедливые суждения (*Неловко слишком долго жить: как будто чужое место в транспорте занял*). Отдельная часть посвящена крайней степени неприязни к старости – геронтофобии. Выход автор видит в создании кластеров для престарелых, в которых было бы профессиональное обслуживание геронтолога и социального работника, организован досуг и разнообразные формы социальной жизни, в который пожилые люди поселялись бы только по собственной воле. Нарративная структура предполагает весьма яркую фигуру адресата, с образом которого автор постоянно находится в диалоге, имеющего также вертикальное

измерение: статья имеет богатый интертекстуальный фон, особенно часто автор обращается к работе Симоны де Бовуар «Старость», суждениям Лидии Гинзбург. Интересно, что в одной из своих коммуникативных ролей автор отождествляет себя с бездушным поколением и пишет от мы (*Чего мы хотим от стариков?*), дистанцируясь от этой роли, дает ответ «чужими словами» («*Чтоб не «перлись в поликлинику, будто у них там клуб»*). Воздействие автора грамматически часто эксплицируется с помощью повелительного наклонения в основной форме второго лица (*А вы организуйте для них клуб здорового образа жизни – и не будут «переться» в поликлинику*) и в форме первого лица совместного действия (*Может, попросим их надиктовать нам свои воспоминания, рассказы на диктофон*).

Дискурс представителей кофигуративной культуры, несмотря на большие отличия в прагматическом измерении их текстов, объединяет, во-первых, взгляд на пожилых со стороны, осмысление их существования как особой социальной проблемы, во-вторых, решение этой проблемы посредством того или иного рода изоляции старшего поколения.

Концептуализация старости в префигуративной культуре

Отметим, что в республиканской прессе – в газете «Звезда», в частности, – возникают тексты на интересующую нас тему, написанные в совершенно иной манере, жанрово тяготеющие к репортажу, в которых представлены монологи персонажей, автору-журналисту принадлежат только вступительные абзацы. Персонажи рассказывают не о своем прошлом, как в традиционном повествовании от третьего лица, а о своем настоящем и планах на будущее, оказывается при этом, что жизнь их подобна жизни младшего поколения, – они учатся, узнают новое и занимаются творческой деятельностью, путешествуют, осваивают новые технологии (*Я ўжо скончыў двухгадовыя курсы журналістыкі ва Універсітэце трэцяга ўзросту, цяпер займаюся англійскай мовай, а яшчэ рэжысурай і кіназдымкамі... У мяне яшчэ шмат творчых планаў. Мару стварыць фільм аб Беларусі; Мне вельма шмат чаго хочацца, але я разумею, што нельга ахапіць неабсяжнае. Але, як выйшла на пенсію, зацікавілася складаннем радаводу. А потым мне падарылі відэакамеру, і я захапілася кіно. Асвоіла аднаведную камп'ютарную праграму і неўзабаве пачала рабіць відэаролікі. Яшчэ пайшла на ёгу... Калі адкрыўся Ўніверсітэт трэцяга ўзросту, тут жа пайшла туды запісвацца. Займалася там краязнаўствам, дапамагала іншым ў якасці валанцёра // «Адзін з найшчаслівейшых момантаў здарыўся ў 63 гады»,*

10.11.2016). Жизненной необходимостью для ощущения себя счастливым, полным жизни человеком, с точки зрения героев репортажа, является общение с единомышленниками, преодоление одиночества. Семья, заметим, не является единственной доминантой их жизни, – напротив, теперь они имеют право и возможность пожить для себя, сделать то, что им хотелось, но ранее не удавалось.

Выводы. В типе текста, воссоздающем стереотипный образ пожилого человека, отсутствует план будущего, в тексте, направленном на разрушение стереотипа, такой план выражен либо описанием моделей поведения в отношении пожилых (в кофигуративной культуре), либо собственными планами на будущее (в префигуративной культуре). При концептуализации авторы фокусируются на индивидуальной судьбе человека, коммуникативной задачей является изменение стереотипного представления о старости как «доживании», при стереотипном нарративе индивидуальная судьба рассматривается как частный случай инвариантной судьбы, в рамках которой личный выбор жестко ограничен. Отличия журналистских текстов – юбилейных портретов, репортажей и статьи – от жанрово не оформленных диалектных текстов заключаются в наборе тем, разнообразии типов повествования, а также в образе автора, модифицируемом тем или иным жанром, и перлокутивным эффекте (сочувствии адресата герою публикации, уважении к чужому опыту или отношении к пожилому человеку как проблеме, требующей решения).

Литература

1. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
2. Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. Імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; уклад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 529 с.

Наталья Довнар

Белорусский государственный университет

ЕДИНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ПРАВА СМИ

Возрастание роли массовой информации и ее взаимосвязь с процессами информатизации, влияние на формирование информационного общества приводит к необходимости более углубленного изучения та-